

УДК 314 (571.63)

DOI: 10.33910/2687-0223-2019-1-3-181-188

## Геодемография как основа развития географии детства

З. И. Сидоркина<sup>✉1</sup>

<sup>1</sup> Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, 690041, Россия, г. Владивосток, ул. Радио, д. 7

### Сведения об авторе

Зинаида Ивановна Сидоркина,  
SPIN-код: 8661-7741,  
Scopus AuthorID: 6507953392,  
ORCID: 0000-0003-4115-464X,  
e-mail: [sidorkina@tig.dvo.ru](mailto:sidorkina@tig.dvo.ru).

### Для цитирования:

Сидоркина, З. И. (2019)  
Геодемография как основа  
развития географии детства.  
Комплексные исследования  
детства, т. 1, № 3, с. 181–188.  
DOI: 10.33910/2687-0223-2019-1-  
3-181-188

**Получена** 18 октября 2019;  
прошла рецензирование  
22 октября 2019;  
принята 25 октября 2019.

**Финансирование:** Работа  
поддержана грантом РФФИ  
№ 18-00-00956.

**Права:** © Автор (2019).  
Опубликовано Российским  
государственным педагогическим  
университетом им. А. И. Герцена.  
Открытый доступ на условиях  
лицензии CC BY-NC 4.0.

**Аннотация.** География обладает значительным интеграционным потенциалом, включая естественнонаучное и социально-экономическое содержание, что создает предпосылки изучения целостной системы «природа — общество — человек». Комплексный географический подход при изучении жизнедеятельности общества предполагает взаимодействие демографических структур на различных территориальных уровнях, включая отдельные группы населения. Объекты исследования, ранее изучаемые отдельными дисциплинами, для формирования и развития новых теоретических и методологических подходов используют междисциплинарную интеграцию знаний. На основе накопленных результатов исследования в изучении региональной геодемографии формируется новая отрасль демографических исследований — география детства — и получает все более широкое признание. Изучение вопросов детского возраста предполагает первоначально анализ сложившейся общей демографической ситуации. Демографический потенциал в рыночных условиях подвергся разрушению. На территории Сибирского и Дальневосточного федеральных округов проживает около 25,5 млн чел. Слабая заселенность восточных районов, депопуляция и отток населения делают эти территории наиболее проблемными для России. В целом с 1991 по 2017 гг. Дальний Восток потерял почти пятую часть населения. В условиях, когда на Дальнем Востоке продолжается постепенное снижение численности населения, демографический фактор в исследованиях социальных вопросов становится главным. Снижение численности обусловлено оттоком населения вместе с отрицательным естественным приростом. Главную социально-демографическую угрозу составляет отток из округа квалифицированной части трудового потенциала при замещении неквалифицированными трудовыми ресурсами с низким уровнем образования. В статье анализируется влияние социально-экономического развития на региональную демографическую ситуацию, способную определить основные направления изучения географии детства, зависящие от тесного переплетения социально-экономических, общественно-политических процессов в стране и регионе. Показана трансформация возрастной структуры населения и необходимые условия для улучшения качественного потенциала детского населения. География детства — одна из развивающихся дисциплин, призванная решать проблемы формирования не только личности, но и всей будущей структуры общественного развития.

**Ключевые слова:** география детства, демографический потенциал, Дальний Восток, сокращение населения, миграция, естественная убыль, воспроизводство населения.

# Geodemography as a foundation for further development of the geography of childhood

Z. I. Sidorkina✉<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, 7 Radio Str., Vladivostok 690041, Russia

## Author

Zinaida I. Sidorkina,  
SPIN: 8661-7741,  
Scopus AuthorID: 6507953392,  
ORCID: 0000-0003-4115-464X,  
e-mail: sidorkina@tig.dvo.ru.

**For citation:** Sidorkina, Z. I. (2019) Geodemography as a foundation for further development of the geography of childhood. *Comprehensive Child Studies*, vol. 1, no. 3, pp. 181–188. DOI: 10.33910/2687-0223-2019-1-3-181-188

**Received** 18 October 2019;  
reviewed 22 October 2019;  
accepted 25 October 2019.

**Funding:** The research was supported by the RFBR grant “Geography of childhood: interdisciplinary synthesis of research approaches and practices” (project no. 18-00-00956).

**Copyright:** © The Author (2019).  
Published by Herzen State Pedagogical University of Russia.  
Open access under CC BY-NC License 4.0.

**Abstract.** Geography has a significant integrative potential, including natural science and socio-economic content which creates the prerequisites for the study of the integral system of “nature — society — man”. An integrated geographical approach towards studying the life of society involves the interconnection of demographic structures at different territorial levels, including individual population groups. The objects of research that were previously studied by individual disciplines apply interdisciplinary integration of knowledge in order to form and develop new theoretical and methodological approaches. On the basis of the accumulated research results in the study area of regional geodemography, a new branch of demographic research – the geography of childhood is being formed and is increasingly recognised. The study of childhood issues involves an initial analysis of the current general demographic situation. Demographic potential has been severely affected by market economy conditions. About 25.5 million people live on the territory of the Ural, Siberian and Far Eastern Federal districts. The low population density of the Eastern regions, depopulation and outflow of population make these areas the most problematic for Russia. Overall from 1991 to 2017 the population of the Far East decreased by almost 20 per cent. At a time when the gradual decline of the population in the Far East continues, the demographic factor in the study of social issues becomes crucial. The observed decline is caused by the outflow of population along with negative natural growth. The main socio-demographic threat is the outflow of highly skilled labour from the district and its replacement with low-skilled or unskilled labour. The article analyses the impact of socio-economic development on the regional demographic situation, which may determine the main research areas of the geography of childhood, which are closely linked with socio-economic and socio-political processes in the region and in the country as a whole. The author identifies the transformation required of the population age structure and the conditions necessary to improve the child population quality potential. The geography of childhood is an emerging discipline designed to solve the problems not only of an individual’s development, but also of the future structure of social development.

**Keywords:** geography of childhood, demographic potential, Far East, population reduction, migration, natural decline, population reproduction.

## Введение

Важнейшую роль среди аспектов общественного развития играет демографическая составляющая. С одной стороны, важным параметром является воспроизводство населения, с другой стороны, важны качественные его характеристики.

Ведущая роль человеческого фактора в экономическом развитии и национальном богатстве становится все более очевидной. По оценкам Всемирного банка, составленным на основе данных по 192 странам мира, в середине 1990-х гг. 64 % мирового богатства составлял

человеческий капитал, 21 % — физический капитал, 15 % — природные ресурсы, тогда как за столетие до этого соотношение составляющих было прямо противоположным (Саградов 2005). Человеческий фактор развития общества имеет многоаспектный характер. Существенной характеристикой современного этапа комплексного изучения воспроизводства населения является междисциплинарная организация исследования. Развитие демографических процессов происходит в рамках интенсивно и усиленно формирующейся социологической, экономической и других систем знаний. Как отмечалось ранее Дж. Джонстоном,

направление специализации в географии в целом возникло как ответ на чрезмерный рост количества накопленных знаний, исключавший возможность освоить их полностью в рамках единой науки (Джонстон 1987).

География обладает значительным интеграционным потенциалом, включая естественно-научное и социально-экономическое содержание, что создает предпосылки изучения целостной системы «природа — общество — человек». У нее большие возможности для изучения всей совокупности знаний о территории, познания не только нынешнего состояния, но и прошлого, и будущего. В общественной географии возможность научно предвидеть будущее и на этой основе выстраивать систему планирования имеет огромные перспективы. Это хорошо учитывалось в прошлом веке при развитии страны и не учитывается в нынешнее время (Сидоркина 2019).

Население в условиях непрерывного развития научных знаний рассматривается не только как условие (независимое, естественное) общественной организации, но и как основа и субъект этой организации. Осознание единства этих условий наполнило понятие демографического фактора новым содержанием. Анализируются не только его территориальные перемещения, но и возраст, образование и семейное положение. Позже такие междисциплинарные исследования охватили более широкий круг вопросов: тенденции в области рождаемости, смертности, семейно-брачных отношений, интенсивность и направление миграционных процессов, расселение населения по территории страны, приживаемость вынужденных переселенцев и т. д.

Комплексный подход к изучению воспроизводства населения способствует интеграции наук, изучающих его отдельные стороны, образованию синтетических взаимосвязанных направлений изучения имеющейся проблемы. Когда представители ряда наук делают попытки изучать, например, семью, то каждый из них рассматривает какое-то одно, свое направление. Так, экономистов интересует бюджет семьи, возможность поддержания уровня жизни семей с детьми, семейная собственность, затраты труда в семье, потребление. Социологи тщательно рассматривают распределение ролей членов семьи в зависимости от пола, возраста, образования, места жительства (город, село), с учетом других особенностей.

Происходящие последние три десятка лет на территории бывшего Советского Союза перемещения масс людей определяют задачу осмысления причин этого явления в каждом регионе,

их последствия как для отдельного макрорегиона, так и для всей страны (Авдеев, Сидоркина, Ушакова 2017). Необходимо прибегать к анализу не только внутренних взаимодействий, но и окружающей среды, как социальной, так и экономической, влияния социальной политики, которые воздействуют на образ жизни, уклад семьи.

Анализ социально-демографических явлений связан с учетом их причин в разных регионах, обусловленных возрастной структурой населения, соотношением городских и сельских жителей, традиционно сложившимися в процессе исторического развития демографическими особенностями и т. д. Новое направление исследований, выявляющее все эти особенности, изучающее демографические процессы на конкретной территории и их региональные особенности, дифференциацию, было названо «геодемографией» (Федоров 1984). Появление этого термина связано с потребностью в более широком понимании демографической ситуации. Использование географического мышления необходимо для выявления региональных различий демографических процессов с их сложной обусловленностью социально-экономическими факторами, для обобщения внутренних зависимостей социально-демографических процессов на конкретной территории.

География детства — одно из новых направлений развивающейся системы знаний о молодом поколении, призванное решать проблемы формирования не только личности, но и всей будущей структуры общественного развития. Теоретические и методологические проблемы различных научных областей исследования детства предполагают необходимость изучения современного его состояния, социализации внутри и вне системы общественного образования, пространства взросления, практик семейного воспитания в условиях разнообразия моделей родительства или семейной культуры. С этих позиций правильнее обозначить такие исследования «геодемографией детства». Целью настоящей статьи выступает аналитическое описание геодемографического направления исследования детства на примере Дальневосточного региона.

### Регион исследования, объекты и методы

В ситуации, когда на Дальнем Востоке продолжается постепенное снижение численности населения, демографический фактор становится главным. Каков будущий демографический

потенциал развития и как будут реализовываться планы развития территории?

Для анализа ситуации использованы демографический, сравнительно-географический и статистический методы.

Совокупная численность населения Сибири и Дальнего Востока составляет 25,5 млн. чел. (17,7 % населения РФ). Переход от плановой экономики особенно жестко отразился на восточных территориях страны. Дальний Восток вместе с Сибирью (выборочно) пустеет уже почти три десятилетия. Дальневосточный федеральный округ — самый крупный экономический район России (36,4 % территории). Численность населения округа (с Республикой Бурятия и Забайкальским краем) по оценке на 1 января 2018 г. составила 8225,8 тыс. чел. — это чуть более 4 % от общей численности населения страны, из них 25 % — сельские жители (Сидоркина 2019). Слабая заселенность восточных районов, депопуляция и отток населения делают эти территории наиболее проблемными районами России. Демографический потенциал в рыночных условиях подвергся разрушению. Отмена субсидий, надбавок к заработной плате и социальных льгот сделали проживание на Дальнем Востоке непривлекательным для россиян. Поэтому с начала 1990-х гг. все регионы Дальнего Востока стали испытывать миграционный отток. Особенно в холодных, северных областях опустели целые населенные пункты: Магаданская область потеряла около трети своего населения, Чукотский автономный округ — почти две трети. В общей сложности потери Дальнего Востока с 1991 по 2018 гг. составили почти пятую часть населения. Все эти тенденции необходимо учитывать при исследовании детского населения в социально-экономических, социологических, педагогических, юридических и других научных направлениях.

Оценки современных процессов сокращения населения восточных районов РФ в литературе изменяются от резко негативных («сдача позиций», «потеря освоенных территорий и адаптированного населения») до полностью позитивных («люди станут жить в нормальных, а не экстремальных условиях», «сокращение заселенной территории — благо») (Бакланов 2012). К концу первого десятилетия XXI в. стало ясно, что политика Центра в отношении восточных районов крайне уязвима. Демографическая диспропорция с тенденцией сокращения населения на территории региона с ростом демографического потенциала в соседних странах вызывает особое беспокойство по отношению к национальной безопасности.

## Динамика рождаемости населения

Демографический потенциал региона определяется действием таких факторов, как рождаемость, смертность и миграция населения. Показатели воспроизводства населения Дальнего Востока уже в 1980-е гг. были на уровне и даже ниже простого замещения поколений. Население увеличивалось благодаря потенциалу роста, накопленному в его возрастной структуре. Высокие темпы роста населения обеспечивались за счет миграции и естественного прироста, что объясняется значительным притоком сюда молодежи. По данным статистики, в 1940-е гг. естественный прирост населения Дальнего Востока составлял свыше 600 тыс. чел., а в 1950-е гг. — уже 965,5 тыс. чел. В эти годы рождаемость на Дальнем Востоке была значительно выше средней по стране. Так, число родившихся на 1000 чел. в РСФСР в 1940 г. составляло 33 чел., а на Дальнем Востоке — 48,9; в 1950 г. соответственно 26 и 42,5 чел. на 1000 населения; в последующие годы рождаемость также оставалась высокой. Заметим, что тогда и численность населения была в 2 раза меньше. К концу 1980-х гг. по сравнению с началом 1950-х гг. уровень рождаемости снизился в 4 раза (Сидоркина 2018).

К началу 1990-х гг. этот потенциал был практически исчерпан, а социально-экономические трудности реформенного периода способствовали резкому снижению рождаемости и повышению смертности. В 1990-е гг. на Дальнем Востоке, как и по всем другим территориям, отмечено снижение уровня рождаемости более чем в 2 раза. Произошло смещение частоты рождений из старших (35 лет) в младшие возрастные группы. Характер рождаемости в регионе определяется массовым распространением малодетности (1–2 ребенка), сближением параметров рождаемости городского и сельского населения, откладыванием рождения первого ребенка, ростом внебрачной рождаемости. В уровне рождаемости прослеживаются и этнические различия.

Если в 1990 г. суммарный коэффициент рождаемости по Дальнему Востоку составлял 2,07, то к 1999 г. он сократился до уровня 1,21 (это минимальный уровень за всю историю заселения региона). С этого момента данный показатель до настоящего времени сохраняет тенденцию к росту, и в 2015 г. он составил 1,89. При этом следует иметь в виду, что он был обеспечен за счет таких субъектов федерации как Республика Саха (Якутия), где на протяжении последних пяти лет он превышает 2,0, а в 2015

году составил 2,19, а также вышедших на этот уровень в 2015 году Сахалинской области, Еврейской автономной области и Чукотского автономного округа (Авдеев, Сидоркина, Ушакова 2017).

С 2005 г. простому замещению поколений соответствуют показатели в Республике Саха (Якутии) (1,8), Чукотском автономном округе (2,2), Корякском автономном округе (1,9) ребенка на женщину. В сельском населении национальных образований особенно заметно изменение суммарного коэффициента рождаемости: более 2 детей на каждую женщину фертильного возраста. Повсеместно же число рожденных одной женщиной детей составляет 1,1–1,3 ребенка, т. е. 110–130 детей на 100 женщин детородного возраста (Сидоркина 2018). Однако есть основания предполагать, что ситуация с рождаемостью может ухудшиться в будущем, поскольку женщины, которые будут вступать в детородный возраст в течение ближайших 15 лет, уже родились. И их число меньше на 11 % от уровня 2002 г. Снижение рождаемости — закономерный ответ на модернизацию общества. При двухдетной модели семьи регион неизбежно подойдет к границе, за которой начинается депопуляция.

Тенденция, на которой сегодня строятся ожидания роста численности за счет естественного воспроизводства, носит кратковременный характер и объясняется главным образом событиями начала коренных социально-экономических перемен в стране. Уровень рождаемости в ДФО в полтора раза меньше, чем требуется для замещения поколений родителей их детьми, т. е. возобновление поколений осуществляется по пути сужения числа последующих поколений относительно предыдущих. В последние 3–4 года отмечается небольшой рост числа родившихся, что нужно расценивать как результат мер действующей демографической политики. Коэффициент рождаемости на Дальнем Востоке мал даже для простого воспроизводства населения (общий коэффициент рождаемости менее 16,0 ‰ считается низким).

Суженное воспроизводство в возрастах от 5 до 14, а в некоторых субъектах и до 19 лет является следствием, с одной стороны, выбора демографического поведения с ориентацией на одного ребенка в семье, а с другой — вступлением в фертильный возраст родившихся до перестройки, в результате чего на протяжении ряда лет наблюдался некоторый рост рождаемости. Вместе с тем это показывает также и то, что в среднесрочной перспективе Республика Саха (Якутия) и Чукотский автономный округ

имеют более обнадеживающие перспективы по сравнению, например, с Приморским и Хабаровским краями или Амурской областью.

### Динамика смертности населения

На рубеже 1990-х гг. общий коэффициент смертности населения в России находился на среднеевропейском уровне (11,2 ‰ в 1990 г.), на Дальнем Востоке был даже ниже (8,2 ‰), а в Чукотском автономном округе он был 5,6 ‰ (1989 г.). Оценка влияния стресса в условиях смены курса экономического развития в нашей стране возможна через демографические показатели. Последнее десятилетие XX века, отмеченное резким ухудшением условий жизни, приводит к росту смертности населения (Авдеев, Сидоркина, Ушакова 2017). С начала 1990-х гг. рост коэффициента смертности достиг рекордного по величине уровня. Количество умерших на Дальнем Востоке возросло в 1,9 раза. Рост числа умерших привел к почти двойному увеличению общих коэффициентов смертности и почти наполовину превысил показатели рождаемости. Темпы роста смертности в 2000-е годы на Дальнем Востоке превосходят аналогичный показатель по России. Высокие показатели смертности в субъектах Федерации Дальнего Востока формируются за счет более высоких показателей смертности населения в трудоспособном возрасте, в основном от естественных причин. Причем в самых дееспособных возрастах прирост смертности был наибольшим. Смертность в трудоспособном возрасте в 2017 г. по региону составила 589 чел. на 100 тыс. населения, а в Чукотском автономном округе — 822,7 человек. В 2000 г. прирост смертности среди молодежи в возрасте 20–30 лет был чрезвычайно высоким как для мужчин (почти в 2 раза), так и для женщин (на 70 %). В итоге регион теряет воспроизводительный потенциал для замещения поколения родителей поколением детей, что означает сокращение базы формирования экономически активного населения и, следовательно, функционирования рынка труда. Основной причиной такой ситуации следует считать кризисную ситуацию в экономике, низкий уровень жизни большей части жителей.

### Естественный прирост (убыль) населения

В России коэффициент естественной убыли (на 1000 чел. населения) составлял в 1993 г. –5,1 ‰, в 2006 г. — –4,8 ‰, на Дальнем Востоке

соответственно  $-1,3\%$  и  $-2,5\%$ , 2017 г. —  $-0,05\%$  (Бакланов 2012; Сидоркина 2018). Дальний Восток сохраняет внешнее благополучие относительно среднероссийских показателей, что приводит к непониманию чрезвычайно тревожного положения, складывающегося в демографической ситуации региона. За период с 1993 по 2006 гг. коэффициент естественной убыли населения (депопуляции) увеличился по Дальнему Востоку на  $192,3\%$ , в России в целом сократился на  $5,9\%$  (Авдеев, Сидоркина, Ушакова 2017). Естественный прирост с 2005 г. и далее стал положительным в Республике Саха (Якутия), Чукотском автономном округе. Постепенно естественный прирост установился с 2011 г. в Камчатском крае, в Хабаровском — с 2012 г., в Сахалинской и Магаданской областях — с 2013 г. В Амурской области (за исключением 2013 г.), в Приморском крае все эти годы фиксируется убыль населения (Сидоркина 2018). В целом по Дальнему Востоку естественная убыль населения составляла в 2017 г.  $-0,05\%$ . К этому периоду положительный естественный прирост сохраняется в Республике Саха (Якутия) —  $6,4\%$ , в Чукотском автономном округе —  $3,7\%$ , Камчатском крае —  $0,9\%$ , Сахалинской области —  $1,0\%$ . В остальных субъектах ДВФО продолжается естественная убыль населения. Вероятно, депопуляция населения будет иметь долгосрочный характер, поскольку происходит под двойным давлением: низких показателей рождаемости и катастрофически высоких показателей смертности.

В Дальневосточном федеральном округе средняя продолжительность жизни составляет 70,09 года. Наиболее низкой она отмечена в Чукотском автономном округе — 66,10 лет, наиболее высокая в Республике Саха (Якутия) — 71,69 года. Средняя продолжительность жизни у дальневосточных мужчин — 64,8 и женщин — 75,53 года (2017 г.). На Дальнем Востоке мужчины живут почти на 10 лет меньше, чем в Китае, Корее.

Сложившаяся социально-экономическая ситуация и условия проживания в Дальневосточном федеральном округе являются основным фактором формирования миграционных ориентаций населения. Миграционная убыль в 2017 г. по региону составила  $-28$  человек на 10 тыс. населения, в Чукотском автономном округе —  $-132$  человека. Одновременно оживился миграционный прирост в Камчатском крае и составил  $+17$ , по Сахалинской области  $+4,9$  человека на 10 тыс. населения. Главную социально-демографическую угрозу составляет

отток из округа квалифицированной части трудового потенциала в активном трудоспособном возрасте. Люди, достигшие определенных карьерных, социальных высот, кадры, которые могли бы дать многое местному бизнесу и экономике, в силу межрегиональных различий в уровне и качестве жизни принимают решение о выезде за пределы округа. Выезжают из Дальневосточного федерального округа и выпускники вузов, которые не смогли найти достойного применения полученным знаниям в регионе, но стали востребованными российскими и иностранными компаниями, которые делают ставку на молодые кадры. По данным фонда «Общественное мнение», доля желающих переехать из дальневосточных субъектов высокая, от  $34\%$  в Приморском крае до  $59\%$  в Магаданской области (Хабаровский край —  $42\%$ , Камчатский край —  $38\%$ , Еврейская автономная область —  $35\%$ ). Например, желающих покинуть свой регион в Москве —  $25\%$ , Краснодарском крае —  $16\%$ , Санкт-Петербурге —  $7\%$  (Бакланов 2012). Намерение молодежи Дальнего Востока покинуть свой регион подтверждают результаты социологического опроса, проведенного в конце 2012 г. среди студентов — выпускников высших учебных заведений Хабаровского и Камчатского краев, Еврейской автономной области. Желание уехать с Дальнего Востока высказали  $41\%$ , из которых  $26,6\%$  молодых людей хотели бы переехать в другой регион,  $14,4\%$  хотят покинуть страну. К 2018 г. их число не уменьшилось. При этом самыми комфортными для жизни и работы выпускники вузов считают Москву и Санкт-Петербург, их выбрали соответственно  $27,3\%$  и  $26,6\%$  опрошенных. Почти  $13\%$  считают привлекательными города Южного федерального округа, и только  $8,2\%$  выбирают дальневосточные территории. В 2015 г. с Дальнего Востока в другие регионы России выбыло детей в 1,7 раза больше, чем прибыло того же возраста (2010 г. — в 1,3 раза), а уехавших лиц трудоспособного возраста в 1,3 раза больше, чем прибывших (2010 г. — в 1,2 раза). Уровень образования выбывших мигрантов выше, чем прибывших: доля выбывших мигрантов с дипломами высшего профессионального образования составила в 2015 г.  $26,7\%$  (2010 г. —  $31,6\%$ ), а прибывших —  $25,1\%$  (2010 г. —  $29,8\%$ ) (Сидоркина 2018). Это еще одно свидетельство того, что в регионе мало оснований для ожиданий улучшения качества населения. Особенно заметно преобладание среди выбывших мигрантов лиц со средним общим образованием, которое имеет каждый пятый мигрант, со сред-

ним общим — каждый четырнадцатый. Наблюдается дифференциация оттока высокообразованных мигрантов по территории Дальнего Востока: Чукотский автономный округ — 31,2 %, Камчатский край — 29,3 %, Хабаровский край — 28,1 %, Еврейская автономная область — 21,3 % (Сидоркина 2018). В то же время субъекты наполняет контингент низкой квалификации, плохо говорящий на русском языке, не имеющий порой не только профессиональных навыков, но даже базового начального образования. Процесс социализации мигрантов происходит случайным образом, без участия образовательных структур и профессиональной подготовки. Для Дальнего Востока, где каждый человек на счету, жизненно важно повлиять на демографические показатели, но в силу разных причин на протяжении трех десятилетий сохраняется устойчивая тенденция сокращения численности населения. Сложившаяся демографическая структура населения не оставляет поводов для ожиданий существенного роста численности населения округа.

Региональные особенности сложившихся параметров рождаемости и смертности на территории Российской Федерации (в виде отношения коэффициента смертности к коэффициенту рождаемости) можно интерпретировать как скорость вымирания населения. Очевидна локализация зоны наиболее интенсивного вымирания населения (с превышением смертности над рождаемостью более чем в 2 раза) по направлениям к северо-западу и юго-востоку от Москвы. Дальний Восток находится в лучшем положении, чем европейская часть страны. Особенно в северной части Дальнего Востока, где ситуация изменилась в позитивную сторону.

### Изменения в возрастной структуре населения

В начале 1990-х гг. Дальний Восток по возрастному составу населения был в числе ведущих по удельному весу лиц моложе трудоспособного возраста (1996 г. — 24,6 %). Он уступал только Восточно-Сибирскому (26,1 %) и Центральному округам (24,9 %) (Бакланов 2012). Проведение переписей показало заметное превышение молодежи и населения трудоспособного возраста и меньшую долю пенсионеров в структуре населения Дальневосточного федерального округа по сравнению с Российской Федерацией в целом. К 2017 г. по Дальнему Востоку молодежь в возрастном составе населения составляла 19,8 %, из них в Республике

Саха (Якутия) — 24,9 %, в Чукотском автономном округе — 23,8 %.

В то же время в возрастной структуре отмечается значительное постарение населения. По Дальневосточному федеральному округу старение происходит неравномерно. Число лиц старшего трудоспособного возраста за период с 1991 по 2017 гг. увеличилось с 11,0 до 22,4 % (Авдеев, Сидоркина, Ушакова 2017; Сидоркина 2018). Причем более высокие темпы роста наблюдались в северных субъектах: в Чукотском автономном округе, Магаданской и Камчатской областях. Очевидно, что прежде всего сказывается отсутствие у значительной части пожилых людей, особенно лиц старшей части пожилого возраста, возможностей к самостоятельному переезду, включая и отсутствие средств не только для выезда, но и обустройства в других регионах.

Следует подчеркнуть, что влияние изменений в возрастной структуре заметно, но пока ошибочно считать, что старение населения в своей динамике необратимо. С 2009 г. в трудоспособный возраст вступило малочисленное поколение родившихся в 1990-х гг., а вышло из него — многочисленное поколение родившихся в 1950–60-х гг., однако в запасе есть 4–5-летний лаг между вступлением в трудоспособный возраст и началом трудовой деятельности.

Относительно роста числа пенсионеров стоит учитывать, что треть из них официально продолжают работать после выхода на пенсию. Они не несут дополнительных расходов, а, наоборот, приносят отчисления в Пенсионный фонд РФ, но эти отчисления лишены прозрачности, поэтому их трудно проанализировать. При сохранении тенденций, сложившихся к 2017 г., старение населения невозможно будет приостановить.

Для ускорения развития региона требуется решение проблемы повышения конкурентоспособности региона в сфере образовательных и научных услуг (Сидоркина 2018). Кроме этого, в исследуемом регионе, по сравнению с экономически развитыми странами и российскими регионами, следует отметить:

- 1) низкий уровень оплаты труда специалистов с высшим образованием, а также ученых, занятых фундаментальными и прикладными исследованиями;
- 2) недооценку государством высококвалифицированных специалистов и сфер их деятельности;
- 3) несформированность рынков труда работников с высшим образованием

- и научно-технической продукции, являющейся результатом их деятельности;
- 4) отсутствие исследований, посвященных анализу влияния образовательного фактора на социально-экономическое развитие страны и ее регионов.

### Заключение

Необходимы обновления политики в сфере труда, практики социально-трудовых отношений в целях повышения их эффективности, усиления социальной справедливости в экономике и обществе; развитие системы рабочих мест на основе структурной переориентации экономики с сырьевых отраслей на обрабатывающие, а также на сектор высоких технологий (Авдеев,

Сидоркина, Ушакова 2017). Требуется поощрять гибкость сегментов рынка труда под воздействием сетевизации экономики, формирования новых нестандартных форм занятости и новых типов трудовых отношений (индивидуализации); применять новые модели ценообразования на рабочую силу. Однако за коммерческой выгодой необходимо не забывать о геостратегических последствиях. А это требует проведения соответствующей экономической политики по улучшению качественного потенциала дальневосточной молодежи, начиная с самого детства. Чтобы они имели положительный тренд, следует наращивать демографический потенциал в условиях интеграции со смежными отраслями общественных дисциплин.

### Литература

- Авдеев, Ю. А., Сидоркина, З. И., Ушакова, В. Л. (2017) Территориальная структура демографического потенциала российского Дальнего Востока. *Уровень жизни населения регионов России*, № 2 (204), с. 16–22.
- Бакланов, П. Я. (ред.). (2012) *Тихоокеанская Россия: страницы прошлого, настоящего, будущего*. Владивосток: Дальнаука, 406 с.
- Джонстон, Р. Дж. (1987) *География и географы: Очерк развития англо-американской социальной географии после 1945 года*. М.: Прогресс, 368 с.
- Саградов, А. А. (2005) *Экономическая демография*. М.: ИНФРА-М, 254 с.
- Сидоркина, З. И. (2018) Проблемы демографического роста на Дальнем Востоке России. *Псковский регионологический журнал*, № 2 (34), с. 30–39.
- Сидоркина, З. И. (2019) Значение географических факторов в социально-демографическом развитии Дальнего Востока. В кн.: П. Я. Бакланов, В. В. Ермошин, К. С. Ганзей (ред.). *Геосистемы Северо-Восточной Азии: особенности их пространственно-временных структур, районирование территории и акватории*. Владивосток: Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, с. 461–467.
- Федоров, Г. М. (1984) *Геодемографическая обстановка*. Л.: Наука, 112 с.

### References

- Avdeev, Yu. A., Sidorkina, Z. I., Ushakova, V. L. (2017) Territorial'naya struktura demograficheskogo potentsiala rossijskogo Dal'nego Vostoka [The territorial structure of demographic potential of the Russian Far East]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii — Living Standards and Quality of Life*, no. 2 (204), pp. 16–22. (In Russian)
- Baklanov, P. Ya. (ed.). (2012) *Tikhookeanskaya Rossiya: Stranitsy proshlogo, nastoyashchego, budushchego* [Pacific Russia: Pages of the past, present, future]. Vladivostok: Dal'nauka Publ., 406 p. (In Russian)
- Fedorov, G. M. (1984) *Geodemograficheskaya obstanovka* [Geodemographic situation]. Leningrad: Nauka Publ., 112 p. (In Russian)
- Johnston, R. J. (1987) *Geografiya i geografyy: Ocherk razvitiya anglo-amerikanskoy sotsial'noj geografii posle 1945 goda* [Geography and geographers: Anglo-American human geography since 1945]. Moscow: Progress Publ., 368 p. (In Russian)
- Sagradov, A. A. (2005) *Ekonomicheskaya demografiya* [Economic demography]. Moscow: INFRA-M Publ., 254 p. (In Russian)
- Sidorkina, Z. I. (2018) Problemy demograficheskogo rosta na Dal'nem Vostoke Rossii [Problems of demographic growth in the Far East of Russia]. *Pskovskij regionologicheskij zhurnal — Pskov Regionological Journal*, no. 2 (34), pp. 30–39 (In Russian)
- Sidorkina, Z. I. (2019) Znachenie geograficheskikh faktorov v sotsial'no-demograficheskom razvitii Dal'nego Vostoka [The importance of geographic factors in the sociodemographic development of the Far East of Russia]. In: P. Ya. Baklanov, V. V. Ermoshin, K. S. Ganzej (eds.). *Geosistemy Severo-Vostochnoj Azii: Osobennosti ikh prostranstvenno-vremennykh struktur, rajonirovanie territorii i akvatorii* [Geosystems of North-East Asia: The peculiarities of their spatialtemporal structures, zoning of land and waters]. Vladivostok: Pacific Geographical Institute FEB RAS Publ., pp. 461–467. (In Russian)